

ВІ 767

ЕВГЕНІЙ
ОНЃГИНЪ.
ГЛАВА VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1830.

СПБГУ

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

СПЛБГУ

81769

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

СПЕКТУ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1830.

18862

Июль
1950

22 709

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

Съ дозволенія Правительства.

САНКТИПЕТЕРБУРГЪ

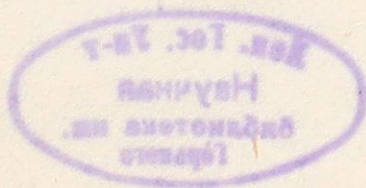
ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

1882

22 709

ВЪВЕДЕНІЕ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

Дмитріевъ.

Какъ не любишь родной Москвы?

Баратынскій.

Гоненье на Москву! что значить видѣть свѣтъ!
Гдѣ жь лучше?

Гдѣ насъ вѣтъ.

Грибоедовъ.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мушными ручьями
На пополенные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаешь утро года;
Синѣя блещуть небеса.
Еще прозрачные, лѣса

Какъ будшо пухомъ зеленюшь.
 Пчела за данью полевой
 Лешишь изъ кельи восковой.
 Долины сохнушь и песпрѣюшь;
 Спада шумяшь, и соловей
 Ужь пѣль въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ швое явленье,
 Весна, весна! пора любви!
 Какое помное волненье
 Въ моей душѣ, въ моей крови!
 Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
 Я наслаждаюсь дуновеньемъ
 Въ лицо мнѣ вѣющей весны,
 На лонѣ сельской шишины!
 Или мнѣ чуждо наслажденье,
 И все, что радуешь, живишь,

Все, что ликуешь и блещишь,
 Наводишь скуку и помленье
 На душу мершвую давно,
 И все ей кажешся шемно?

III.

Или, не радуясь возврашу
 Погибшихъ осенью листовъ,
 Мы помнимъ горькую ушрашу,
 Внимая новый шумъ лѣсовъ;
 Или съ природой оживленной
 Сближаемъ думою смущенной
 Мы увяданье нашихъ лѣпъ,
 Кошорымъ возрожденья нѣпъ?
 Бышь можеть, въ мысли намъ приходишь
 Среди поэпического сна
 Иная, спарая весна
 И въ пренепъ сердце намъ приводить

Мечшой о дальной споронѣ,
О чудной ночи, о лунѣ....

IV.

Вошь время: добрые лѣнивцы,
Эпикурейцы - мудрецы,
Вы, равнодушные щаспливцы,
Вы, школы Левшина ¹ ппенцы,
Вы, деревенскіе Пріамы,
И вы, чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зовѣшь,
Пора шепла, цвѣшовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья! скортѣй, скортѣй,
Въ каретахъ шяжко нагруженныхъ,
На долгихъ иль на почшовыхъ
Тянитесь изъ заспавъ градскихъ.

V.

И вы, чашпель благосклонный,
 Въ своей коляскѣ выписной,
 Оспавыше градъ неугомонный,
 Гдѣ веселились вы зимой;
 Съ моею музой своенравной
 Пойдемте слушать шумъ дубравной
 Надъ безыменною рѣкой
 Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
 Ошпельникъ праздный и унылой,
 Еще недавно жилъ зимой
 Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
 Моей мечшпельницы милой;
 Но гдѣ его теперь ужъ нѣшь....
 Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдь.

VI.

Межь горь, лежащихъ полукругомъ,
 Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ

Вѣсь бѣжишь зеленымъ лугомъ
 Къ рѣкѣ сквозь липовой лѣсокъ.
 Тамъ соловей, весны любовникъ,
 Всю ночь поеть; цвѣшесть шиповникъ,
 И слышенъ говоръ ключевой —
 Тамъ видѣнь камень гробовой
 Въ пѣни двухъ сосенъ усарѣлыхъ.
 Пришельцу надпись говоришь:
 «Владиміръ Ленской здѣсь лежитъ,
 «Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
 «Въ такой-шо годъ, такихъ-шо лѣтъ.
 «Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной
 Бывало ранній вѣщерокъ
 Надъ эшой урною смиренной
 Качалъ шаиншвенный вѣнокъ.

Бывало, въ поздніе досуги
 Сюда ходили двѣ подруги,
 И на могилѣ при лунѣ,
 Обнявшись, плакали онѣ.
 Но нынѣ...памятникъ унылой
 Забышь. Къ нему привычный слѣдъ
 Заглохъ. Вѣнка на вѣшви нѣшь;
 Одинъ, подъ нимъ, съдой и хилой
 Пасхухъ попрежнему поешъ
 И обувь бѣдную плешешъ.

VIII. IX.

X.

Мой бѣдный Ленской! изнывая
 Не долго плакала она.
 Увы! невѣста молодая
 Своей печали невѣрна.

Улань увлекъ ея вниманье,
 Улань успѣлъ ея спрѣданье
 Любовной ласкою усыпить,
 Улань умѣлъ ея плѣнить,
 Улань любимъ ея душою....
 И вошь ужъ съ нимъ предъ алтарёмъ
 Она спыдливо подъ вѣнцомъ
 Споишь съ поникшей головою,
 Съ огнемъ въ пошупленныхъ очахъ,
 Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленской! за могилой
 Въ предѣлахъ вѣчности глухой
 Смутился ли, пѣвецъ унылой,
 Измѣны вѣстью роковой,
 Или надъ Лешой усыпленной
 Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,

Ужь не смущаешся ничѣмъ,
И мѣръ ему закрышь и нѣмъ?....
Такъ! равнодушное забвенье
За гробомъ ожидаешь насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнешь. Про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердишый хоръ
Заводишь непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Улань, своей невольникъ доли,
Быль долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Спарушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;

Лишь смертной блѣдностью покрылось
 Ея печальное лицо.
 Когда всѣ вышли на крыльцо,
 И все, прощаясь, суешилось
 Вокругъ карешы молодыхъ,
 Ташьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь шумана,
 Она глядѣла имъ вослѣдъ....
 И вопъ одна, одна Ташьяна!
 Увы! подруга сполькихъ лѣтъ,
 Ея голубка молодая,
 Ея наперсница родная,
 Судьбою вдаль занесена,
 Съ ней навсегда разлучена.
 Какъ пѣнь она безъ цѣли бродишь,
 То сморишь въ опустѣлый садъ....

Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ оградъ,
 И облегченья не находишь
 Она подавленнымъ слезамъ —
 И сердце рвешся пополамъ.

XIV.

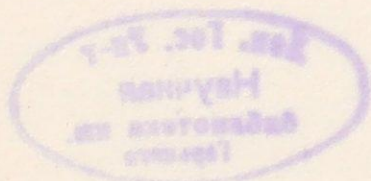
И въ одиночествѣ жестокомъ
 Сильнѣе спросишь ея говоришь,
 И объ Онѣгинѣ далѣкомъ
 Ей сердце громче говоришь.
 Она его не будешь видишь;
 Она должна въ немъ ненавиждишь
 Убийцу брата своего;
 Поэшь погибъ....но ужъ его
 Никшо не помнишь, ужъ другому
 Его невѣста ошдалась.
 Поэша память пронеслась
 Какъ дымъ по небу голубому,

О немъ два сердца, можешь быть,
Еще грустятъ.... Начшо грустить?....

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Спруились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужь расходились хороводы;
Ужь за рѣкой, дымясь, пылалъ
Огонь рыбацйй. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечшы погружена
Ташьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдругъ передъ собою
Съ холма господскйй видишь домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣшлюю рѣкою.
Она глядишь — и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнйй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущающъ:
 « Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?....
 Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ....
 Взгляну на домъ, на эпошь садъ. »
 И вошь съ холма Ташьяна сходишь,
 Едва дыша; кругомъ обводишь
 Недоумѣнья полный взоръ....
 И входишь на пустынный дворъ.
 Къ ней, лая, кинулись собаки.
 На крикъ испуганный ея
 Ребяпъ дворовая семья
 Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
 Мальчишки разогнали псовъ,
 Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

« Увидѣшь барской домъ не лзя ли, »
 Спросила Тая. Поскорѣй

Къ Анисѣ дѣши побѣжали
У ней ключи взяшь ошъ сней;
Анися пошчасъ къ ней явилась
И дверь предъ ними ошворилась,
И Тана входить въ домъ пусшой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядишь: забышый въ залѣ
Кій на бильярдѣ ошдыхаль,
На смяшомъ канане лежалъ
Манежный хлыщикъ. Тана далъ;
Сшарушка ей: « а вошь каминь;
Здѣсь баринъ сиживаль одинъ.

XVIII.

« Здѣсь съ нимъ обѣдываль зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйше, за мною.
Вошь эшо барскій кабинетъ;

Здѣсь почиваль онь, кофей кушаль,
 Прикащика доклады слушаль
 И книжку по упру чиншаль....
 И старый баринь здѣсь живаль;
 Со мной, бывало, въ воскресенье,
 Здѣсь подь окномь, надѣвъ очки,
 Играшь изволил въ дурачки.
 Дай Богъ душѣ его спасенье,
 А косточкамъ его покой
 Въ могилѣ, въ машь-землѣ сырой! »

XIX.

Тапьяна взоромъ умиленнымъ
 Вокругъ себя на все глядишь,
 И все ей кажешя безцѣннымъ,
 Все душу помную живишь
 Полу-мучительной опрадой:
 И ешоль съ померкшею лампадой,

И гряда книгъ, и подь окномъ
 Кровашь покрывая ковромъ,
 И видь въ окно сквозь сумракъ лунной,
 И эшопь блѣдный полусвѣшь,
 И лорда Байрона поршреть,
 И сполбикъ съ куклою чугунной
 Подь шляпой съ пасмурнымъ челомъ,
 Съ руками сжатыми крешомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
 Какъ очарована споишь.
 Но поздно. Въсперь всналь холодной.
 Темно въ долинь. Роща спишь
 Надь опуманенной рѣкою;
 Луна сокрылась за горою,
 И пилигримкѣ молодой
 Пора, давно пора домой.

И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ шого, чшобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратной пушь.
Но прежде просить позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чшобъ книжки здѣсь одной чипать.

XXI.

Ташьяна съ ключницей проспилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ ушромъ рано вновь явилась
Она въ оспавленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣшѣ,
Оспалась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ,

Но показался выборъ ихъ
 Ей спранень. Чшенью предалася
 Ташьяна жадною душой;
 И ей открылся мѣръ иной.

XXII.

Хошя мы знаемъ, что Евгенийъ,
 Издавна чшенья разлюбиль,
 Однакожь нѣсколько швореній
 Онъ изъ опалы исключиль:
 Пѣвца Манфреда и Жуана,
 Да съ нимъ еще два-шри романа,
 Въ кошорыхъ ошразился вѣкъ,
 И современный человекъ
 Изображень довольно вѣрно
 Съ его безнравшвенной душой,
 Себялюбивой и сухой,
 Мечшанью преданной безмѣрно,

Съ его озлобленнымъ умомъ,
 Кипящимъ въ дѣйствіи пуспомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
 Ошмѣшку рѣзкую ногшей;
 Глаза внимательной дѣвицы
 Успремлены на нихъ живѣй.
 Ташьяна видипъ съ препенаньемъ,
 Какою мыслью, замѣчаньемъ
 Бываль Онѣгинъ поражень,
 Въ чемъ молча соглашался онъ.
 На ихъ поляхъ она встрѣчаешъ
 Черны его карандаша.
 Вездѣ Онѣгина душа
 Себя невольно выражаетъ,
 То крашкимъ словомъ, шо крестомъ,
 То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаешъ понемногу,
 Моя Тапьяна понимаешъ
 Теперь яснѣе — слава Богу —
 Того, по комъ она вздыхашъ
 Осуждена судьбою власпной:
 Чудакъ печальный и опасный,
 Созданье ада иль небесъ,
 Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
 Чпо-жь онъ? Уже ли подражанье,
 Ничтожный призракъ, иль еще
 Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
 Чужихъ причудъ исполкованье,
 Слово модныхъ полный лексиконъ? ...
 Ужь не пародія ли онъ?

XXV.

Уже ль загадку разрѣшила?
 Уже ли слово найдено?

Часы бѣгутъ; она забыла,
 Чшо дома ждуть ее давно,
 Гдѣ собралися два сосѣда
 И гдѣ объ ней идесть бесѣда.
 Какъ бышь? Ташьяна не диня,
 Старушка молвила крехпя.
 Вѣдь Олинъка ея моложе.
 Приспроишь дѣвушку, ей-ей,
 Пора; а чшо мнѣ дѣлать съ ней?
 Всѣмъ наошрѣзь одно и поже:
 Нейду. И все груспить она,
 Да бродишь по лѣсамъ одна.

XXVI.

« Не влюблена ль она? » — Въ кого же?
 Буяновъ свашался: опказъ.
 Ивану Пѣшускову — поже.
 Гусарь Пыхшинъ гостиль у насъ;

Ужь какъ онъ Танею прельщался,
 Какъ мѣлкимъ бѣсомъ разсыпался!
 Я думала: пойдешь авось;
 Куда! и снова дѣло врозь. —
 «Что жъ, мапушка? зачѣмъ же спало?
 Въ Москву, на ярманку невѣсть!
 Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣсть.»
 Охъ, мой отецъ! доходу мало.
 «Довольно для одной зимы,
 Не по ужь дамъ хошь я въ займы.»

XXVII.

Старушка очень полюбила
 Совѣсть разумный и благой;
 Сочлась — и шухъ же положила
 Въ Москву отправишься зимой —
 И Таня слышишь новосшь эту.
 На судъ взыскашельному свѣпу

Представишь ясныя черпы
 Провинціальной проспошы,
 И запоздалые наряды,
 И запоздалый складъ рѣчей;
 Московскихъ франшовъ и цирцей
 Привлечь насмѣшливые взгляды!....
 О спрахъ! нѣшь, лучше и вѣрнѣй
 Въ глуши лѣсовъ оспашься ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
 Теперь она въ поля спѣшишь
 И, умиленными очами
 Ихъ озирая, говоришь:
 Проспише, мирныя долины,
 И вы, знакомыхъ горъ вершины,
 И вы, знакомые лѣса;
 Проспи, небесная краса,

Прости, веселая природа;
Мнѣню милый, тихій свѣшь
На шумъ блистательныхъ суешъ....
Прости жь и шы, моя свобода!
Куда, за чѣмъ спремлюся я?
Что мнѣ сулишь судьба моя?

XXIX.

Ея прогулки дѣлался долѣ.
Теперь по холмикъ, по ручей
Остановляюшь по неволѣ
Ташьяну прелестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами
Еще бесѣдовашь спѣшишь.
Но льто быстрое летишь.
Наслала осень золотая,
Природа препенна, блѣдна,

Какъ жертва пышно убрана....
 Вошь съверь, шучи нагоняя,
 Дохнулъ, завылъ — и вошь сама
 Идешъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась; клоками
 Повисла на сукахъ дубовъ;
 Легла волнистыми коврами
 Среди полей, вокругъ холмовъ;
 Брега съ недвижною рѣкою
 Сравняла пухлой пеленою;
 Блеснулъ морозъ. И рады мы
 Проказамъ мапушки зимы.
 Не радо ей лишь сердце Тани.
 Нейдешъ она зиму встрѣчать,
 Морозной пылью подышать
 И первымъ снѣгомъ съ кровли бани

Умышь лицо, плеча и грудь:
Ташьянъ спрашенъ зимній пушь.

XXXI.

Ошьзда день давно просрочень,
Проходишь и послѣдній срокъ.
Осмопрѣнь, вновь обипшь, упрочень
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный, при кибишки
Везушь домашніе пожипки,
Каспрюльки, спулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, шюфяки,
Перины, клѣшки съ пѣшухами,
Горшки, шазы et cetera,
Ну, много всякаго добра.
И вопшь въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачь:
Ведушь на дворъ осьмнадцать клячь,

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягають,
 Гошовашь завшракъ повара,
 Горой кибишки нагружаютъ,
 Браняшся бабы, кучера.
 На клячѣ пощей и косматой
 Сидишь форрейшоръ бородашый.
 Сбѣжалась челядь у ворошь
 Прощаешься съ барами. И вопшь
 Усѣлись, и возокъ почтенный,
 Скользя, ползешъ за вороша.
 « Просшите, мирныя мѣша!
 « Проси, приюшь уединенный!
 « Увижу ль васъ?.... » И слезь ручей
 У Тани льешся изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
 Ошдвинемъ болѣе границъ,

Современемъ (по разчисленью
 Философическихъ таблицъ,
 Лѣшь чрезъ пять сотъ) дороги вѣрно
 У насъ измѣняшя безмѣрно:
 Шоссе Россію здѣсь и шуть,
 Соединивъ, пересѣкутъ.
 Мосты чугунные чрезъ воды
 Шагнутъ широкою дугой,
 Раздвинемъ горы, подъ водой
 Пророемъ дерзосные своды,
 И заведетъ крещеный міръ
 На каждой станціи шракширъ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи ²,
 Мосты забытые гниютъ,
 На станціяхъ клопы да блохи
 Заснутъ минушы не дають;

Тракшировъ нѣшь. Въ избѣ холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскураишь висишь
И щещный дразнишь апешить,
Межь шѣмъ, какъ сельскіе циклопы
Передъ медлишельнымъ огнѣмъ
Россійскимъ лечашъ молошкомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колени
И рвы опеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ спихъ безъ мысли въ пѣснь модной
Дорога зимняя гладка.
Авшомедоны наши бойки,
Неушомимы наши тройки,

И версты, шѣша праздный взоръ,
 Въ глазахъ мелькающъ какъ заборъ ³.
 Къ несчастью Ларина шацилась,
 Боясь прогоновъ дорогихъ,
 Не на почшовыхъ, на своихъ,
 И наша дѣва насладиась
 Дорожной скукою вполнѣ:
 Семь супокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вошь ужь близко. Передь ними
 Ужь бѣлокаменной Москвы,
 Какъ жарь, креслами золошыми
 Горяшь спаринныя главы.
 Ахъ, брашцы! какъ я былъ доволенъ,
 Когда церквей и колоколень,
 Садовъ, чершоговъ полукругъ
 Ошкрылся предо мною вдругъ!

Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва.... какъ много въ эпосѣ звукѣ
Для сердца Рускаго слылось!
Какъ много въ немъ опоздалось!

XXXVII.

Вотъ, окружень своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордился славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Последнимъ щасьемъ упоенный,
Москвы коленнопреклоненной
Съ ключами спараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не приѣмный даръ,

Она готовила пожаръ
Нешерпльивому герою.
Ошсель, въ думу погружёнъ,
Глядѣль на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель падшей славы,
Пешровскій замокъ. Ну! неспой,
Пошоль! Уже сполды заспавы
Бѣлюшь; вопъ ужъ по Тверской
Возокъ несешся чрезъ ухабы.
Мелькаюшь мимо бушки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, козаки,
Апшеки, магазины моды,

Балконы, лвы на воропахъ
И снаи галокъ на кресахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходишь часъ-другой, и вошь
У Харипонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домою у воропъ
Оснанился. Къ старой пешкѣ,
Чешвершой годъ больной въ чахошкѣ,
Онѣ прѣхали шеперь.
Имъ насшежь ошворяешь дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафшанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой калмыкѣ.
Вспрѣчаетъ ихъ въ гостинной крикѣ
Княжны, проспершой на диванѣ.
Спарушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

Княжна, mon ange! — Pachtette! — Алина!
 — Кшобъ могъ подумашь? — Какъ давно!
 На долго ль? — Милая! Кузина!
 Садись — какъ эшо мудрено!
 Ей Богу, сцена изъ романа....
 — А эшо дочь моя, Ташьяна. —
 Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ —
 Какъ будшо брежу я во снѣ....
 Кузина, помнишь Грандисона? —
 Какъ, Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
 Да, помню, помню. Гдѣ же онъ? —
 «Въ Москвѣ, живешъ у Симеона;
 Меня въ сочельникъ навѣспилъ:
 Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А шопъ.... но послѣ все расскажемъ.
 Не правда ль? Всея ея роднѣ

Мы Таню завтра же покажемъ.
 Жаль, развѣзжашь нѣшь мочи мнѣ;
 Едва, едва паскаю ноги.
 Но вы замучены съ дороги;
 Пойдемте вмѣстѣ ошдохнуть....
 Охъ, силы нѣшь.... усшала грудь....
 Мнѣ шяжела шеперь и радость,
 Не шолько грусть.... душа моя,
 Ужь никуда не годна я....
 Подъ спаросшь жизнь шакая гадосшь....
 И шуть, совсѣмъ упошлена,
 Въ слезахъ разкашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
 Ташьяну шрогаюшь; но ей
 Не хорошо на новосельѣ,
 Привыкшей къ горницѣ своей.

Подъ занавѣскою шелковой
 Не спится ей въ постель новой,
 И ранній звонъ колоколовъ,
 Предпеча ушренныхъ шрудовъ,
 Ее съ постели подымаетъ.
 Садится Таня у окна.
 Рѣдѣеть сумракъ; но она
 Своихъ полей не различаетъ:
 Предъ нею незнакомый дворъ,
 Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вошь: по родственнымъ обѣдамъ
 Развозятъ Тяню каждый день
 Представивъ бабушкамъ и дѣдамъ
 Ея разсыянную льнь.
 Роднѣ прибывшей издавеча
 Повсюду ласковая встрѣча,

И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
 Какъ Таня выросла! Давно ль
 Я, кажешься, тебя крестила?
 А я шакъ на руки брала!
 А я шакъ за уши драла!
 А я шакъ пряникомъ кормила!
 И хоромъ бабушки швердятъ:
 Какъ наши годы-то лешялть!

XLV.

Но въ нихъ невидно перемѣны;
 Все въ нихъ на старой образецъ:
 У пѣтушки княжны Елены
 Все шопъ же шюлевой чепецъ;
 Все бѣлился Лукерья Львовна,
 Все шожѣ лжешъ Любовь Пѣпровна,
 Иванъ Пѣпровичъ шакже глупъ,
 Семень Пѣпровичъ шакже скупъ,

У Пелагеи Николавны
 Все шопъ же другъ мосье Финмушь,
 И шопъ же шпиць, и шопъ же мужъ;
 А онъ, все клуба члень исправный,
 Все шакже смирень, шакже глухъ,
 И шакже ѳшь и пьешь за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаюшь.
 Младья граціи Москвы
 Сначала молча озираюшь
 Ташьяну съ ногъ до головы;
 Ее находяшь что-шо спранной,
 Провинціальной и жеманной,
 И что-шо блѣдной и худой,
 А впрочемъ очень недурной;
 Попомъ, покоршвуя природѣ,
 Дружашся съ ней, къ себѣ ведуть,

Цалуюшь, нѣжно руки жмушь,
Взбиваюшь кудри ей по модѣ,
И повѣряюшь наразпѣвъ
Сердечны шайны, шайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалосши, мечшы.
Текушь невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Пошомъ, въ опшлашу лепешанья,
Ея сердечнаго признанья
Умильно шребуюшь онѣ.
Но Таня, шочно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышишь безъ учасшья,
Не понимаешь ничего,
И шайну сердца своего,
Завѣшный кладъ и слезъ и шасшья,

Хранишь безмолвно между шѣмь,
И имь не дѣлишься ни съ кѣмь.

XLVIII.

Ташьяна вслушавься жelaеть
Вь бесѣды, вь общій разговорь:
Но всѣхъ вь госпиной занимаеть
Такой безсвязный, пошлый вздорь;
Все вь нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клеветушь даже скучно;
Вь бесплодной сухости рѣчей,
Распросовь, сплешень, и вѣстей,
Не вспыхнешь мысли вь цѣлы сущки,
Хоть невзначай, хоть наобумь;
Не улыбнешя помный умь,
Не дрогнешь сердце, хоть для шупки.
И даже глупости смѣшной
Вь тебѣ не вспрѣшишь, свѣнь пусшой.

XLIX.

Архивны юноши шолпою
На Таню чопорно глядяшь,
И про нее между собою
Неблагосклонно говоряшь.
Одинъ, какой-то шупь печальный
Ее находить идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегю гошовишь ей.
У скучной пешки Таню встрѣшя,
Къ ней какъ-то В... подсьль
И душу ей заняшь успль.
И близъ него ее замъшя,
Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляешся спарикъ.

L.

Но шамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздаешся вой,

Гдѣ машеть маншіей мишурной
Она предѣ хладною шолпой,
Гдѣ Талія шихонько дремлеть
И плескамъ дружескимъ не внемлеть,
Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
Дивишся зришель молодой,
(Чшо было шакже въ прежни лѣшы,
Во время ваше и мое)
Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивые лорнешы,
Ни шрубки модныхъ знашюковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

II.

Ее привозяшь и въ Собранье.
Тамъ шѣсноша, волненье, жарь,
Музыки грохошь, свѣчь блишанье,
Мельканье, вихорь бышпрыхъ парь,

Красавиць легкіе уборы,
 Людми песпрыющіе хоры,
 Невѣсть обширной полукругъ,
 Всѣ чувства поражаешь вдругъ.
 Здѣсь кажешь франшы записные
 Свое нахальство, свой жилешъ
 И невнимательный лорнешъ.
 Сюда гусары опускные
 Спѣшащъ явишься, прогремѣшь,
 Блеснушь, плѣнишь и улещѣшь.

ЛII.

У ночи много звѣздъ прелесныхъ,
 Красавиць много на Москвѣ.
 Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
 Луна въ воздушной синевѣ.
 Но ша, кошорую не смѣю

Тревожишь лирою моею,
 Какъ величавая луна
 Средь жень и дѣвъ блещишь одна.
 Съ какою гордостью небесной
 Зѣмли касается она!
 Какъ нѣгой грудь ея полна!
 Какъ помень взоръ ея чудесной!....
 Но полно, полно; переспань:
 Ты заплашилъ безумству дань.

ЛШ.

Шумъ, хохотъ, бѣгошнѣ, поклоны,
 Галопъ, мазурка, вальсъ. Межь шѣмъ,
 Между двухъ пешокъ, у колоны,
 Не замѣчаема никѣмъ,
 Тапьяна смотришь и невидишь,
 Волненье свѣша ненавидишь;

Ей душно здѣсь.... она мечпой
Спремипся къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣшлый ручейкъ,
Къ своимъ цвѣшамъ, къ своимъ романамъ
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ она являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродитъ:
Забышь и свѣшь и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный генераль.
Другъ другу шепушки мигнули,
И локшемъ Таню вразъ полкнули
И каждая шепнула ей:

*

Взгляни нальво поскорѣй.

«Нальво? гдѣ? чшо тамъ шакое?»

Ну, чшо бы ни было, гляди....

Въ той кучкѣ, видишь? впереди,

Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое....

Вошь ошошелъ.... вошь бокомъ спалъ....

«Кшо? шолшый эшошь генераль?»

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ

Ташьяну милую мою,

И въ сторону свой пупъ направимъ,

Чшобъ не забышь о комъ пою....

Да къ спаши, здѣсь о томъ два слова:

Пою пріятеля младова

И множество его пригудъ.

Благослови мой долгій трудъ,

О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручишь,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривь.
Довольно. Съ плечь долой обуза!
Я классицизму ошдалъ честь:
Хоть поздно, а вспуиленье есть.

1916

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Школы Левшина птенцы.

Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

2. Теперь у насъ дороги плохи.

Дороги наши — садъ для глазъ:

Деревья, съ дерномъ валь, канавы;

Работы много, много славы,

Да жаль, проѣзда нѣтъ подь часъ.

Съ деревьевъ, на часахъ споящихъ,

Проѣзимъ мало барыша;

Дорога, скажешь, хороша —

И вспомнишь спихъ: для проходящихъ!

Свободна Руская Ђзда
 Въ двухъ только случаяхъ: когда
 Нашъ *Макъ-Адамъ*, или *Макъ-Ева*
 Зима свершитъ, преща ошъ гнѣва,
 Опустошительный набѣгъ,
 Пушь окуешъ чугуномъ льдиспымъ,
 И запорошитъ равнй снѣгъ
 Слѣды ея пескомъ пушиспымъ.
 Или когда поля проймѣтъ
 Такая знойная засуха,
 Чшо черезъ лужу можешъ въ бродъ
 Пройши, глаза зажмура, муха.

Станція. *Князь Вяземскій.*

3. Какъ заборъ.

Сравненіе, заимствованное у К**, споль
 извѣснаго игривостию воображенія. К...
 рассказывалъ, что будучи однажды посланъ

курьеромъ отъ Князя Потемкина къ Императрицѣ , онъ ѣхалъ такъ скоро , что шпага его , высунувшись концемъ изъ шлежки , спучала по верспамъ , какъ по часпоколу.

[75 P]

У 1916 С П 16 Г

1916

Продается въ С. Петербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
пяти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копѣекъ.